

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 6

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Рецензии и литературно-критические статьи

БУКОО "Орловский Дом литераторов"

Орёл-2015

УДК 82-1
ББК 84(2p)6
В 38

Вестник Орловского Дома литераторов. Выпуск 6.

В 38 **Традиции и новаторство: рецензии и литературно-критические статьи.** / Редактор-составитель А.И. Кондратенко. / – Орёл, ПФ «Картуш», 2015. – 56 с.

Брошюру составили рецензии на книги и рукописи, литературно-критические статьи и отзывы о творчестве орловских авторов. Представленные материалы служат не только отражением многогранного литературного процесса, но и своеобразным пособием для тех, кто пробует свои силы в творческом труде.

Авторы публикаций – писатели, литературоведы, литературные критики не только из Орла, но и из других регионов России и из Украины (в сведениях об иногородних авторах указано место проживания). Брошюра адресована литераторам, членам литературных объединений, всем, кто интересуется русской литературой.

© Орловский Дом литераторов, 2015
© ПФ «Картуш», 2015

*Борис БОБЫЛЕВ,
профессор*

**АЛЬМАНАХ «ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ-2011»
(Заметки на полях)**

Последний выпуск альманаха «Орел литературный» посвящен 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года. Этим во многом определяется его состав и композиция. Открывает сборник очерк Алексея Кондратенко «Отечественная война 1812 года и Орловский край». Данный материал далеко выходит за рамки обычной краеведческой публикации, ограничивающейся перечислением известных имен, связанных с Орловщиной и приведением соответствующих биографических деталей. Автор очерка на примере Орла и Орловской губернии помогает нам воочию представить размер народного горя, беды, обрушившейся на нашу родину двести лет тому назад. Невозможно читать спокойно строки из рассказов участников событий, в которых передается вся мера отчаяния, овладевшего людьми при известии о нашествии Наполеона: «Торговля прекратилась. Всякий помышлял о спасении своем. Богатые затрепетали от страха и бедных привели в отчаяние...Бедные, которые имели семейство и малолетних детей, те каждодневно ужас наводили на жителей. Плакали, как по умершим, ибо денег нет, идти из города нечем...». Как это знакомо, и как это напоминает горестные страницы нашей истории XX века... Алексей Кондратенко приводит и другие факты, которые свидетельствуют о способности наших предков к преодолению страха и уныния, к самоотверженности и подвигу. Перед нами предстают также примеры великодушия и милосердия наших земляков: пленные раненые французы, прибывшие в Орел «в самом жалком состоянии» получали от жителей необходимую помощь и уход. Слова Василия Жуковского, заключающие очерк, звучат необыкновенно актуально для нас, наследников великих побед: «Всего важнее для народа уважение к самому себе, теперь мы приобрели его».

Тема Отечественной войны 1812 года получает свое развитие в стихах Владимира Молчанова:

*Мы выше чьей-то злобы,
И нам рабами быть не суждено.
Французы взяли
Некогда Европу
А обожглись-то
О Бородино.*

Ирина Семенова с присущим ей даром визионерства воссоздает картину приснопамятной Березины:

*Еще мы помним переправу,
Где убежал Наполеон.
Багры, приклады вместо весел
Он созерцал из-под руки,
Когда, сбегая, в бездну сбросил
Им обойденные полки.*

Внутренняя переключка с произведениями о войне 1812 года присутствует в рассказе Юрия Пахомова «Теперь я старше тебя отец», посвященном последствиям другой, столь памятной всем нам Отечественной войны. Юрий Пахомов с большой художественной силой передает состояние утраты и сиротства, не покидающее детей убитых солдат всю их жизнь: «Я старше тебя, отец, наверное, оттого я так легко представляю тебя молодым».

Мотив памяти об ушедших присутствует в ряде материалов альманаха. Но, пожалуй, наиболее пронзительно он звучит в итоговых словах очерка Геннадия Попова «Неувядаемая герань воспоминаний»: «С июля 2003 года русский писатель Лободин Игорь Федорович числится в страшном, диком, невероятно огромном для мирного времени перечне исчезнувших бесследно граждан России на ее современном историческом этапе. Не берусь судить, но скажу, что справедливо было бы обозначить его как список «без вести пропавших в исторической битве русского народа за свое выживание на переломе двух тысячелетий».

Традиционно значительное место на страницах альманаха занимает тема Родины. Именно эта тема является

доминирующей и объединяющей в подборках стихов поэтов из разных краев нашей страны.

Для орловского писателя Леонарда Золотарева сливаются воедино образы Родины и русской речи. При этом возникает внутренний диалог с «Мужеством» Ахматовой:

*Ты хранись в нас, о русская речь!
Острый меч и испытанный щит
Нам бы землю родную сберечь
Русь святая себя сохранит.*

Болью за современное состояние России проникнуты строки талантливого орловского поэта Михаила Турбина:

*Душа моя – Россия братства
И Вера – не всесильна Смерть.
Пора бы это окаянство
Во имя жизни одолеть*

В стихах петербуржца Андрея Реброва читаем:

*Вживляя в строфы прожитые годы,
Он ощущает смертное родство
С грядущей высью русского народа,
В чьих душах длится вечности его.*

Брянский поэт Владимир Сорочкин, как и его петербургский собрат по перу, связывает «грядущую высь русского народа» не с имперскими амбициями и военным могуществом, но с таящейся в глубине души народа духовной силой, с наследием Святой Руси:

*Россия... На лихих годинах
Не возродился Третий Рим
Не кесарь скрыт в твоих глубинах,
А Новый Иерусалим.*

Эта же мысль пронизывает отрывки из поэмы Ирины Семеновой, посвященной святой Матроне, достигая высшей точки экспрессии в конце стихов, где приводятся пророческие слова святого Иоанна Кронштадтского о Матроне:

*- Все расступитесь!
В помощь вам грядет
Отроковица – столп осьмой России!*

Круг произведений, представленных на страницах альманаха «Орел литературный-2011», безусловно, не ограничивается произведениями патриотического плана. Писатели-орловцы отдадут щедрую дань вечным темам любви, творчества, жизни и смерти.

Проникновенностью и обнаженной искренностью отличается цикл стихов Геннадия Попова «Наталья»:

*Вершит судьба печальный листопад
В безмолвии ночи исповедались...*

Стихи эти сродни заклинанию. Заклинанию уходящего времени, остывающей любви, безмерных и печальных расстояний. Возникает причудливая вязь ассоциаций, навеянных жаром страсти и подспудною жаждой покоя:

*Ты говоришь туман...
Я ничего не вижу.
Лишь голос сквозь него проносят провода.
Не расстоянье, нет – оно намного ближе:
Но толща лет – текучая вода.
И ожиданья жар...*

Изысканное воплощение темы любви, жизни и смерти получают в «опыте свободной прозы» Анатолия Загороднего: «Метаморфоз, или Время вылета бабочек». Писатель вводит еще один дополнительный подзаголовок «Поэма об одиночестве и страсти». Данный подзаголовок очень точно передает художественную природу этого произведения. Проза

Загороднего сочетает черты патетической декламации и нежной лирики, звучит как музыка. Зыбкие и трудноуловимые ночные голоса подсознания пробиваются наружу, давая жизнь хрупким, завораживающе-прекрасным созданием, невозвратно исчезающим при свете дня: «Кажется я видел сквозь сон... Куколка, превращаясь в бабочку, вспыхнула палевым божьим пламенем, шелком и пылью, обдала меня прелестным и тайным, грешным светом драгоценных глазков, безумным, влюбленным в цветы четырехглазным отливом и, выпорхнув из оков, присела ко мне на ресницы и замигала фиалково-алою пылью и нимфеточным блеском крыл. И помню, я умер во сне от неизъяснимой прелести ее неземных глазков. И оттого, что умер, проснулся...»

На страницах сборника мы находим и другие прекрасные образцы русской словесности. К ним можно отнести эссе Владимира Ермакова «Что еще сорвется с этих губ (поэтический бред Анастасии Бойцовой)». Далеко выходя за традиционные рамки рецензии, писатель не просто дает оценку творчества поэтессы, он создает ее образ в исполненной изящества и гармонии прозе: «Словно некий неведомый словесный зверь, пойманный и прирученный ею, проходит по неведомым дорожкам речи – следуя тайным интуициям и темным интенциям языка. И в то же время ее стиль изощрен опытом книжности. В ней ленивое лукавство ученой кошки, идущей то налево, то направо, заводящей страстные песни и рассказывающей страшные сказки».

Очередной альманах, выпущенный писательской организацией, включает самые разнообразные в тематическом, жанровом и стилистическом отношении произведения, сочетает черты традиции и новаторства, являя собою образец «цветущей сложности» и свидетельствуя о значительных творческих возможностях орловского литературного сообщества.

*Геннадий ПЕТЕЛИН,
член Союза писателей России
(п. Зубова Поляна, Мордовия)*

**«ДРУЗЬЯ! ПРЕКРАСЕН ВАШ СОЮЗ!»
Отклик на альбом « На тысячу верст кругом Россия»**

У меня на книжной полке на видном месте стоит литературно-художественный альбом «На тысячу верст кругом Россия», изданный в 2011 году в городе Орле с вступительной статьей известного писателя редактора журнала «Новая книга России» Сергея Котьякало. Авторы и составители альбома известный художник российского масштаба Анатолий Костяников и большой замечательный русский поэт Геннадий Попов. В результате их совместного творческого содружества получился удивительный сплав поэзии и живописи.

На протяжении всего содержания красочно оформленного альбома словно идет соперничество, ведется дружеский спор, что значительнее, выше: перо поэта или кисть живописца? И надо признать – два высокоодаренных человека выступают на равных. Нет у Геннадия Попова усредненных стихотворений, равно как и нет усредненных картин у Анатолия Костяникова. Работа зрелых мастеров изумляет. Каждое слово поэта точно и филигранно выверено, каждый, казалось бы, даже незначительный мазок кисти художника в картине на месте.

Открывают альбом стихотворение «Сугробов стынут вереницы» и картина «Заснеженный дворик».

*Сугробов стынут вереницы.
Сверкнет упавшая звезда,
Как будто огненная птица
Сорвется в бездну из гнезда.*

В этих строках ощутима зима, ночь, легкий морозец и холодное небо, расшитое звездами. Не знаю как вам, а мне оно напоминает космическую поэзию М.Ю. Лермонтова «И звезда с

звездой говорит». И в картине художника до боли родной и близкий пейзаж дома и сарай с заснеженными крышами.

Новая страница – и снова не стихотворение, а шедевр!

*Так незаметно расцвела сирень...
Над миром солнце отмеряет сроки,
И падает сиреневая тень
И ворошит сиреневые строки.*

Под стать стихотворению и картина «Сирень цветет». Все в ней озарено сиреневым цветом: палисадник, дом, земля и небо. От сиреневой дали сиренево становится на душе.

Какую бы страницу навскидку ни открыл, тут же возникает завораживающая поэтическая красота.

*Вот и снова тепло на исходе:
Лето кончилось, стьнут слова.
По осенней не прошеной моде
Серебрится моя голова.*

И здесь уже нет сил, удержаться, чтобы не процитировать заключительное четверостишие стихотворения поэтического кудесника.

*От пожарища красок немею,
Безоглядно в огонь их иду,
На осеннем ветру пламенею
И сгораю у всех на виду.*

А рядом соседствует замечательная картина «Листопад». Сельская небольшая скромная церковь с золочеными куполами, их пять, увенчанная крестом звонница, а на переднем плане деревце, охваченное осенним пожаром, у подножия которого золотыми слитками лежит с десяток, отпавших от него листьев. Позолочена земля, позолотой наполненный воздух.

Значительное место в альбоме отведено исторической поэме Геннадия Попова «Евпатий Коловрат», в которой с невероятной силой воспето героическое прошлое Рязанского

края. И это, конечно, не случайно. Волею судьбы поэт, родившийся в Москве, из-за войны оказался в маленьком провинциальном городке Шилово, Рязанской области. Рязанщину Геннадий Попов, по праву, считает своей малой родиной: там прошло его детство и юность. На рязанских просторах он впитывал все шорохи и запахи полевых раздолий, шум берез и кленов, видел ту же синь небес, которая сосала глаза гениальному поэту Сергею Есенину. И словно из глубин рязанской земли забил поэтический словесный фонтан:

*Горела древняя Рязань...
Над павшими кружили птицы.
Костры, тревожные зарницы,
В кострах – святые образа...
Горели хищные глаза
На желтых лицах.
Пылала русская земля,
Шатались крепостные стены,
Под ноги ханские стеля
Плоды раздора и измены.*

И здесь же картина Анатолия Костяникова о давних исторических событиях земли русской «Судбищенская битва». Яркими мазками выписаны лица, одежда и доспехи былинных героев. Во всей красе перед нами предстает героическая Русь.

И хочется воскликнуть вслед за А.С. Пушкиным: «Друзья! Прекрасен ваш союз!». Прекрасно содружество великолепного поэта и превосходного художника.

*Алексей ШОРОХОВ,
член Союза писателей России*

НА ТЫСЯЧУ ВЁРСТ КРУГОМ РОССИЯ

Неожиданный литературно-художественный альбом ...

Поэт и художник выпустили совместный альбом: стихи и живопись. Орловцы – поэт Геннадий Попов и художник Анатолий Костяников. Жанр, казалось бы, знакомый с первых школьных учебников. Тех ещё, из «проклятого тоталитарного прошлого». Какие-нибудь «Белая берёзка под моим окном...» и зимний пейзаж Саврасова. Какие-нибудь...

Только как подумаешь, что десятки миллионов людей получали нормальное художественное представление о мире и о слове по этим самым учебникам! Самое первое, прописи художественного вкуса. А чуть позже – с Пушкиным и Чеховым – ещё и прописи нравственного чувства, азбуку человечности.

В том, что мы всё ещё не поубивали друг друга за минувшие двадцать лет, есть заслуга и наших первых букварей и хрестоматий.

Тем не менее, поэт и художник, выпустившие альбом, не трудились в помощь учителю и ученику (хотя многое из их книги уже и сегодня можно бы растащить по школьным хрестоматиям, я думаю, авторы б не обиделись).

Не делали они и юбилейного подарка друг другу – ты напиши, а я нарисую. Появление этого совместного труда скорее свидетельствует о том, что происходит сегодня в недрах «большого русского стиля». А именно – поиск новых форм выразительности, поиск жанра. Для передачи традиционного гуманистического содержания. Гуманистического, в хорошем смысле этого слова.

Потому что человек – это единственная, фундаментальная единица в тварной вселенной. Только человек онтологичен и неизменен, он есмь. Могут измениться представления о мире и космосе, скорость передвижения и

способы связи. Но между плачем Андромахи на стенах Трои и плачем Ярославны на стенах Путивля нет онтологического расстояния. Также, как нет его между ними и плачем Юлии Друниной в её военной лирике. Между этими тремя женщинами нельзя поставить даже математическую точку, потому что они – одно.

Но время и культурная привычка требуют новой выразительности. И Геннадий Попов и Анатолий Костяников чувствуют это. У Попова это уже не первая попытка вырваться из привычных на сегодняшний день газетно-журнальных рамок. То ли ощущение общей культурной усталости, то ли слишком мощный прессинг аннигилирующей, «расчеловечивающей» масс-культуры, но всё вместе понуждает его (и не только) искать новых (ну или хорошо забытых старых) средств художественного воздействия.

Не так давно совместно с московским композитором Виктором Викторовым Геннадий Попов записал кантату «Евпатий Коловрат», и вот сейчас – литературно-художественный альбом.

Да и не только в «смежных» жанрах, но и внутри самого русского слова идёт напряжённый поиск формы – какое-то время назад достаточно бодро носились с «новым реализмом», не слышали пока «нового символизма», вскользь поговорили о «новом пришествии поэтики абсурда». Вроде бы ничего не изменилось... Но то, что в толщах современной русской словесности что-то зреет и подспудные пласты пришли в движение – очевидно. И стихами «под Рубцова», как и «стишками под Бродского» сегодня уже никого не обманешь.

То, что литературно-художественный альбом «На тысячу вёрст кругом РОССИЯ» появился именно на Орловщине – ожидаемо. Его не «придумали», он вырос. Как из предшествующей классической литературной традиции, так и из новой. И напрямую связан с деятельностью издательства «Вешние воды».

Именно в конце XX века небывалая пейзажная точность «орловской литературной школы», лирическая глубина её изобразительности – обрели реальное издательское

соответствие. И у орловских писателей стали выходить не романы и сборники стихов, а *книги*.

Стало это возможно благодаря нескольким людям, и их необходимо назвать. Это издатель и подвижник книжного дела на Орловщине Александр Лысенко и крупнейшие современные русские художники, живущие и работающие в Орле – Николай Силаев и Анатолий Костяников. Художники именно «орловские», то есть литературоцентричные. Они же первые читатели и оценщики написанного современными орловскими писателями.

И тем удивительнее такой союз мастеров слова и кисти в наше время, время обособления, когда совсем недавнее ещё единство служителей разных муз на глазах распалось.

Именно Николай Силаев и Анатолий Костяников работали с книгами орловцев, которые поражали Москву. На которые с лёгкой завистью смотрел Санкт-Петербург. Перед которыми замирали люди на книжных выставках в Париже и Франкфурте-на-Майне. Как когда-то – перед книгами Блока и Гумилёва, оформленными Добужинским и Бенуа...

Как, – скажете вы – и такое возможно в нашей действительности, на «пространстве всеобщего краха», по слову Владимира Кострова? Но вот оказалось же возможным...

Недаром Бунин называл свою родину «подстепьем». В степи, чтобы уцелеть под ветрами и ураганами – живое должно иметь особо стойкую корневую систему, глубокую, разветвлённую, давнюю. Ведь и исторически – именно через Орловщину лежал путь всех завоевателей в глубь Руси. А значит – не раз и не два в столетие сжигались орловские деревни, разорялись города и монастыри. Хазары, татары, ляхи, немцы...

И что же – ещё вьётся дымок над пепелищем, а уже слышен стук топора, уже играют в салки голубоглазые белоголовые детишки, уже слагается народная песнь о новом лихолетье и его преодолении.

Надо полагать, именно поэтому, центральное, стержневое место в альбоме занимает работа Анатолия Костяникова «Героям Судбищенской битвы посвящается», сопровождаемая поэмой Геннадия Попова «Евпатий Коловрат».

И хотя в стихах и на холсте идёт речь о разных исторических событиях, но мысль авторов альбома понятна: это «малые победы», без которых не было бы одоления самой страшной за тысячелетнюю историю России беды: татаро-монгольского ига. Не было бы взятия Казани и Астрахани, покорения Сибири, присоединения Крыма.

Это – единственное «идеологическое» место в альбоме. А дальше – на тысячу вёрст кругом Россия. В пейзажах Анатолия Костяникова.

Для самого художника выход этого альбома тоже является знаковым. Читателю и зрителю именно здесь открывается «неожиданный» Костяников – Костяников лирик, певец снега и сирени. Он, упорно, как Клод Моне, «останавливает» своё текучее подстепье, свой любимый пейзаж: в сменах времён года, времени суток, настроения и освещения.

И даже «небрежный мазок», прекрасно в альбоме переданный полиграфически, сначала свидетельствует о подчинённости всей техники художника этой цели – остановить «текучесть» пейзажа, и только потом уже намекает на ученичество у Писсарро и Ренуара.

Только это – Россия.

Россия Тургенева и Блока, Бунина и Левитана. И в ней:

Трава в лугах остра и высока.

Бегу босой легко и бестревожно...

Неудержимо движется Ока.

Всё впереди, и всё ещё возможно.

Как в строках из стихотворения Геннадия Попова. Неслучайно эти строки напрямую перекликаются с непостижимой художественной загадкой фильма «Зеркало» Андрея Тарковского.

Неслучайно эти и другие строки отражаются в пейзажах Анатолия Костяникова.

Это Россия.

*Алексей ПЕРЕЛЫГИН,
член Союза писателей России*

СВЕЖО, СВЕТЛО И СВОБОДНО

Книга деревенских рассказов Татьяны Грибановой «Лесковка» издана в Орле в 2013 году. Мне не нравится секционное жанровое определение «деревенские», так как в нём слышится социальная неполноценность некогда значительной и подавляющей части Государства Российского. С религиозной и нравственной дисциплиной народ деревенский чище и сильнее городского и является основой и источником русской национальности. Александр Пушкин II главу «Евгения Онегина» предваряет восклицанием Горация «O rus!», что в переводе с латыни – «О деревня!». А. Пушкин, как и деревня, - наше Всё.

Книга посвящена родителям автора и повествует о жизни, быте, традициях, ремесле, досуге как минимум четырёх поколений крестьян на затерянном в орловских степях хуторе. Первый рассказ «От Рождества до Покрова» - художественное содержание всей книги «Лесковка», камертон лирических повествований. Датировка сюжетных событий – по православному календарю. Всё, что ни делают персонажи рассказов – во имя любви и чистоты, что является Божественной силой любого национального этноса.

Я избрал названием своего отзыва на книгу «Лесковка» слова Татьяны Грибановой из рассказа «Мартовская лазурь». Действительно: «Свежо, светло и свободно!»

Книга понравилась вся полностью и потому от перечисления названий удачных текстов автор меня освобождает талантом повествования. Желание высказаться и умение повествовать – разные ремесленные категории литературы, а такого умения Татьяне Грибановой не занимать, и я прочёл «Лесковку» ни один раз.

Рассказами «Родины», «Краснотал», «Одолень трава», «Заноза» может гордиться орловское пересыхающее мелководье. Они подпитывают и поднимают на более высокие литературные берега.

«Не оставь мой край в забвении!» - молит автор, обращаясь к немногочисленному читателю. Тираж книги – 500 экземпляров. Кому удастся приобрести её, будут перелистывать не единожды прочитанные страницы, находя свежесть первоосновы бытия любого сочувствующего правде жизни сердца. «Куда от такого раздолья!»

Автор описывает жизнь хуторян во всех проявлениях советского времени. Ветераны войны, одинокие вдовы войны, раскулаченные работяги, конокрады...

Есть в книге чистые поэтические этюды, удерживающие духовную высоту русского сердца. Есть юмористические рассказы. Нет излишнего описательства, осуждения, нет педагогики и занудного морализма.

«Воистину, красота не нуждается в дополнительных украшениях, больше всего её красит их отсутствие», - это основная концепция Татьяны Грибановой.

«Варежки промокнут насквозь, а то и вовсе потеряются до первых проталин. Сыщёт их отец нечаянно по весне и принесёт: вот, мол, подарочек тебе грачи принесли» // «Спешит – лотошит весна. Только бы успеть, только бы не опоздать! Повсюду заглянуть, разбудить, расшевелить, растолкать!» // «Март на сносях. Не удержать!» // «Набухшее, прогнувшееся небо, словно марля с откинутым творогом, сочилось непроглядной белёсой мутью». // «За окном трещат с морозу яблоньки. Разлетелись белоснежные гуси-облака. Месяц голубит снега. Над Колдучихиной хатой прямо в трубу падают звёзд. Рождественская ночь». // «Подберёт зима свой истрёпанный ветрами хвост, тьякнет – хватит, будто лютая собачонка, напоследок морозами, и нет её, как и не бывало». Невозможно остаться равнодушным к художественным тезисам Татьяны Грибановой. Это нельзя придумать, оно есть всегда и во всём.

«Лесковка» будет долго лежать на моём столе, не остужая к себе внимания. Жду новых книг от автора – честного и правдивого. Уверен: в новых рассказах и повестях она не изменит своему литературному поэтическому дарованию. Это невозможно. Это от Бога. Спасибо, Таня, за книгу!

*Вячеслав ЛЮТЫЙ,
литературный критик,
член Союза писателей России
(Воронеж)*

**«ПОД НЕБОМ ПЫЛЬНЫМ И СУХИМ...»
(Несколько замечаний о поэзии Андрея Фролова)**

Книга избранных стихотворений Андрея Фролова «Посох» дает читателю возможность с необходимой полнотой познакомиться с поэзией этого автора.

Поэтическая ткань у Фролова отличается какой-то цепкой точностью в изображении деталей реальности. Это свойственно прозе, но в стихах вынуждает иного автора ломать традиционный строй речи, прибегать к «рваной» строке, как бы показывая читателю, что здесь - «всё по правде», без распространенных лирических фантазий - как в жизни. Чрезвычайно редко можно встретить стихи, в которых приметы настоящего даны не выпукло и подчеркнуто, а графически жестко. Причём поэт не отказывается от высокого стиля, а себя понимает только в рамках русской поэтической традиции.

Творчество Андрея Фролова - из этого ряда литературных явлений. Среди его почитателей - как рядовые любители поэзии, так и авторы произведений совсем другого интонационного порядка: стихотворцы, выросшие на художественных и нравственных лекалах Блока, поэтессы, не мыслящие себя вне духовного пространства русской церкви, создательницы проникновенной любовной лирики. Это свидетельствует о том, что строки Фролова в чем-то главным замечательно соответствуют переживаниям и сокровенным вопрошаниям современной глубокой русской души.

Изображая окружающий мир и рассуждая о нем, поэт не склоняется к назидательности. У него всегда высокое устремление содержит оговорку, которая прикреплена к реальной картине, к конкретному человеческому характеру, к тому или иному русскому житейскому обычаю.

*Если о Руси, как без поля
Шириной не меньше Вселенной?
На Руси судьба - это доля,
Каждый тащит крест тяжеленный.
Если о Руси, как без Бога?
Путь к нему долгонько топтали.
Веры сберегли пусть немного.
Только та, что есть, крепче стали.
Если о Руси, как без песни?
Пой, душа, а я подыграю!
Если о Руси, как без «если».
Без «авось».
Без хаты, что с краю?*

Поэтический слог Андрея Фролова очень узнаваем. Тематически его стихотворения связаны с крестьянством, родной землей, которая устала от запустения, с простым человеком, очень часто несовершенным и грубоватым, но почти всегда содержащим в себе определенную тайну, непостижимую для иноземца.

Художественно он часто использует миф - к примеру, в сюжете о странном русском посохе. Не случайно этот образ для книги избранного стал заглавным. Русский миф спрятан под тканью бытовых неурядиц и нестроений современной жизни, но именно в нем содержится проекция будущего - как России, так и всех иных стран и континентов. Фролов эту мысль прямо не воспроизводит, но она исподволь присутствует во многих его вещах и придает дополнительный, таинственный объем его поэтическим высказываниям.

Его взгляд способен видеть большое и малое, существенное и незначительное, однако никогда поэт не помещает в свои стихи жесткую иерархию предметов и явлений. События и детали как бы «плывут» в его изображении, весомое может стать незначительным, а пустяк превратится в черту чего-то огромного. Можно сказать, что здесь сосредоточена философия автора-художника, но вернее назвать это бытийными русскими интуициями.

*Под небом пыльным и сухим.
Меж двух сквозных степеней.
Живет адептом строгих схим.
Отшельником репей.
От зноя жилист он и чёрн.
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.
Когда тебе у той черты
Случится проходить.
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.*

В поэзии Андрея Фролова виден образ корневого русского человека, затронутого цивилизацией только внешне, но будто затаенного в ожидании перемен, когда все фальшивое и легковесное получит свое истинное имя, а настоящее выйдет из векового затвора и явит себя во все своей широте и правде.

Алексей ШОРОХОВ,
член Союза писателей России

БЕЗЫСКУСНЫЕ СТРОКИ

В слове «искусство» совершенно ясно слышится слово «искус»; по-русски «искусный» и значит «искушённый», то есть «знающий», «умелый», «опытный». Но, увы, в последнее время правомерно и другое толкование «искусства» как несущего в себе искус, искушающего, соблазняющего простеца человека. Это относится, в первую очередь, ко всеобширной индустрии погибели – от «мастеров телевизионных искусств» до творцов так называемого «современного искусства» с его скотоподобными перформансами, прилюдными демонстрациями срама и фекалий. Слишком известна и определённая (тоже, кстати, «телеведущая» и «голубозэкранный») часть «современной

литературы», подпадающая под «последнюю» категорию «искусства».

Поэтому, характеризуя строки Андрея Фролова как «безыскусные», хочется сознательно вывести его за скобки всех упомянутых «искусителей», это раз; ну и два – «безыскусные строки» это ещё и строки, в которых не видно нарочитого мастерства, не видно «как они сделаны»; кажется, будто они сразу так и написались, а вот это-то и есть, как мы понимаем, подлинное искусство, его результат.

Андрей Фролов сегодня наиболее известный поэт из орловских писателей «среднего возраста». И дело не в количестве публикаций. Есть такие общелитературные банальности – «свой голос», «своя интонация». Да, это всё верно (как вообще у кого-то может быть «чужой голос?»), но в случае с Андреем Фроловым мы вправе говорить о более редком явлении – *своей теме*. А это уже серьёзная заявка на внимание читателя.

Если в двух словах её сформулировать – это остановившееся время наивысшего пика Советской цивилизации, так называемая «эпоха застоя». Именно оттуда бьёт свет в поэзию Андрея Фролова. Нет, не причитания и горькие сетования, не проклятия разрушителям страны, а именно свет – крепкой, осмысленной русской жизни. Может быть, это происходит ещё и оттого, что время наивысшего расцвета русской жизни в советскую эпоху совпало со временем детства и взросления поэта; в глаз ещё не понабились соринки взрослых разочарований и встреченных неправд. Оттого и мир тот (мир пригородной деревни и тесных двориков старинной городской улицы) обретает у Фролова дополнительную подсветку. И стоит он и держится – мир деда, отца, старшего брата – крепким мужицким разумом.

*Избу поставить – разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках...*

*Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.*
(«Мужицкий разум»)

Но и женской, исконно русской, материнской добротой держится незакатный мир детства поэта. Вот строки про владелицу «самых вкусных на деревне яблок» (следовательно, нещадно обрываемых мальчишками, как это было во все времена), бабу Анндреевну:

*И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого спымаю –
Ухи-т начисто сорву!..*

*А потом вздыхает глухо
И, беседея со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?*
(«Хозяйка яблоневого сада»)

Но есть и другие строки и другие интонации у того, почти уже былинного времени – в которых таится надлом и нравственная, если ещё и не порча, то совершенно точно – растерянность «позднесоветского» человека. «Растерянность», которая уже совсем скоро перерастёт в «потерянность» и унылый, обыденный разгул полуживотной чувственности, щедро поощряемой средствами массовой информации.

*Остывает пожар объятий.
Удручённо глядит луна.
Возлежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена...*

*А в природе царит истома –
Дело явно идёт к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.
(«В командировке»)*

Однако поэт, получивший духообразующий запас света именно в детстве, совершенно естественно и логично, уже в свою очередь, делится им со своим маленьким читателем. Поэтому немалую часть стихов Андрея Фролова составляют именно те, что обращены к новым и совсем ещё не большим русским человекам. Например, про «запрещённые» пироги:

*Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу: сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...*

*Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами –
Значит в доме мир и лад!*

Может, в этом и состоит сокровенное обращение Андрея Фролова: из светлого прошлого – через муть настоящего – в наше на глазах подрастающее и, хочется верить, тоже светлое будущее.

*Ирина СЕМЁНОВА,
член Союза писателей России*

ТРУДНЫЙ ЖАНР

Не знаю, почему так случилось, но за долгие годы работы в литературе, рецензируя десятки всевозможных рукописей, мне никогда не доводилось писать рецензии на книги по краеведению. Новая книга члена Союза писателей России, историка-краеведа Алексея Кондратенко «Свет далёких звёзд» - первая в этом ряду.

Не имея понятия о том, какие правила существуют для рецензий на книги по краеведению, я думаю, что в данном случае на книгу будет уместно взглянуть глазами обычного среднего читателя, а потом изложить свои впечатления. Начну с того, что книга была прочитана мной мгновенно и «от корки до корки». И не по причине того, что на неё предстояло писать рецензию, а просто потому, что читать её было интересно. Начитавшись всякого рода современной литературы, я поняла, что после длительного общения с сумасшедшими встретила, вдруг, разумеется, человека с чрезвычайно нормальным и ясным мышлением.

Откровенно говоря, взяв книгу в руки, я ожидала встретить унылое перечисление дат, событий, имён, сухие архивные выкладки, едва разбавленные комментариями автора и т.д. Но буквально с первых страниц повествование так захватило меня, что оторваться от него было уже трудно. Да! И архивные цитаты, и даты, и имена – всё это присутствует в краеведческих очерках Алексея Кондратенко, но всё это так органично вплетено в ткань повествования, что очерки эти нельзя не назвать художественными. Уже на первых страницах очерка «Орловский уроженец», посвящённого Т.Н. Грановскому, мы встречаемся с такими интересными фактами, как то, что «с 1775 по 1791 год председателем палаты гражданского суда в Орле являлся отставной майор Пётр Алексеевич Ермолов – отец знаменитого в будущем человека

Алексея Ермолова». Читая о периоде Отечественной войны 1812 года, мы узнаём о том, что в 1812 году Орёл был многолюден и перенаселён так, как никогда за всю предыдущую историю своего существования. И причиной этому было бегство в Орёл жителей многих губерний, спасавшихся от наполеоновских войск. Здесь были устроены госпитали для раненых и сюда на зиму свозили пленных французов – одним словом, в период войны 1812 года Орёл был тылом, чего нельзя сказать об Орле периода 1941-1945 годов. Думаю, что для большинства школьников и студентов, прочитавших книгу А. Кондратенко, эти сведения станут откровением, как и многие другие изложенные в ней факты.

Что касается художественной стороны, то, на мой взгляд, автор смог нарисовать довольно убедительный биографический портрет нашего выдающегося земляка, ярко показав сложность и противоречивость его натуры, особенно проявившиеся в молодые годы.

Краеведенье Алексея Кондратенко – скорее историко-художественная проза, весьма трудный жанр, где автор должен быть верен историческим фактам, с одной стороны, а с другой стороны, должен быть интересен, не скатываясь при этом в сторону художественного вымысла. По-моему, Алексей Кондратенко чётко балансирует на грани, оставаясь верным избранному жанру.

В чём секрет увлекательности очерков Алексея Кондратенко и почему читать их интересно? Вероятно в том, что они чрезвычайно живые и как бы пронизаны светлой и тёплой энергией. Читая, понимаешь, что автор любит своих героев, стараясь как можно глубже понять каждого из них, извлечь на свет Божий всё то доброе и полезное, что стало плодом их жизни.

Перед нами проходит и разворачивается жизнь видных деятелей науки и просвещения братьев Тарачковых (очерк «Милейшие труженики»). Мы знакомимся с поистине подвижнической деятельностью и непростыми судьбами этих выдающихся людей, не заслуживших даже мемориальных досок в нашем городе.

В очерке «Всё началось с книжной лавки» мы встретимся с потомственными книготорговцами, братьями Кашкиными. Все они – просвещённые люди, один из братьев становится профессором Московской консерватории и учителем нашего прославленного земляка, композитора Василия Калинникова. Здесь же мы узнаём о том, как отец братьев в своё время помогал стать на ноги великому русскому поэту Алексею Кольцову. Обо всём этом очень интересно читать, особенно о том, как один из братьев (младший) В.Д. Кашкин, пианист и композитор, открыл в Орле на Болховской улице книжный магазин, ставший одним из самых солидных и лучших в России.

Интересны очерки об однофамильцах Маликовых. Первый из них – принципиальный, честный и богобоязненный священник, не сгибающийся, однако, головы перед сильными мира сего, и бывший ссыльный по делу Каракозова, перешедший в религиозное сектантство, другой.

Очерк о Лескове, помещённый в книге, требует сам по себе отдельной рецензии, так как представляет собой небольшое исследование.

Интересны и познавательны и все остальные очерки книги «Свет далёких звёзд». Писатель провёл огромную работу, создав свою книгу на основе архивных материалов. Думаю, что книга представляет огромную ценность не только для орловского краеведения, а и для истории России в целом.

Есть в книге кое-что, с чем я, как человек, имеющий свой взгляд на историю, не могу согласиться. К примеру, с оценкой личности обер-прокурора Священного Синода К. Победоносцева, которого автор называет «печально известным». Думаю, что поэт А. Блок, познав все радости первых лет революции, позже раскаялся в том, что дискредитировал в своей поэме «Возмездие» яростных защитников самодержавного Отечества. Но, думаю, что мы с автором книги обсудим этот вопрос в частной беседе.

Во всём остальном книгу можно считать более чем состоявшейся.

*Борис БОБЫЛЕВ,
профессор*

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ...

Новая книга известного орловского писателя Алексея Кондратенко имеет заглавие, вызывающие самые широкие ассоциации – «Свет далеких звезд». Она посвящена выдающимся людям, чья жизнь и творчество были связаны с городом Орлом. Среди персонажей писателя и знаменитые люди, и те, чьи имена забыты или малоизвестны.

Литературные биографии, включенные в книгу «Свет далеких звезд» (вышла в издательстве «Вешние воды»), помогают представить прошлую жизнь города Орла во всем ее многообразии и сложности. Неоднократно на страницах книги возникает отзвук известных лесковских слов: «В Орле, в этом странном «прогорелом» городе, который вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько их не поставил на пользу родины никакой другой город...». И это не случайно. Именно в данных словах выражена мысль о глубинной взаимосвязи светлой и теневой стороны городской жизни, низкого и высокого. В очерке «Грановский» читаем: «Городские обыватели в ту пору запросто выезжали «на большие дороги для разбоя и в поле для кражи лошадей». Несмотря на самые жестокие и бесчеловечные наказания, в городе находили для себя благодарную почву и жульничество, и самое откровенное распутство». Герои книги Кондратенко не жалеют сил для просветления окружающего, для просвещения жителей, для облагораживания городской среды. Менее чем за столетие Орел превращается в процветающий город с необыкновенно интенсивной общественной жизнью. В очерке «Эпоха Надежды Семеновой» писатель отмечает: «Помимо многочисленных земских учреждений назовем ряд общественных организаций, появившихся всего за одно десятилетие: Петропавловское православное братство (1887), комитет народных чтений (1887), Орловское вольное пожарное общество (1888), музыкально-драматический кружок (1889), общество велосипедистов (1892), общество любителей изящных

искусств (1894), шахматное общество (1894), общество покровительства животных (1894), Тургеневская бесплатная читальня народных чтений (1894), епархиальная духовная библиотека-читальня (1894), ветеринарное общество и т.д.». (с.106)

Литература критического реализма и отечественная историография прошлого века немало сделала для «разбрасывания камней», изображая «небокоптителей», разоблачая угнетателей, показывая «свинцовые мерзости жизни» в русской провинциальной среде. Но мы до сих пор очень мало знаем о созидательной деятельности наших земляков, о тех предпосылках, благодаря которым Орел стал в конце XIX века одним из самых значимых культурных центров России. Книга «Свет далеких звезд» - это шаг на пути «собирания камней», на пути восстановления исторической справедливости и нашего собственного очищения от греха неблагодарности, забвения и поругания памяти предков.

Персонажи очерков Кондратенко предстают людьми, которые знают цену своей жизни, стремятся оставить светлый след на земле, неустанно трудятся на благо других. Разнообразны интересы и поприща деятельности героев книги. Так, например, персонажи очерка «Милейшие труженики» преподаватели Орловского Бахтина кадетского корпуса братья Николай и Александр Тарачковы проводят огромную работу по составлению каталога растений местной флоры, по описанию орловских рыб, состояния климата, лесов, гидрологических условий, ископаемых богатств, по определению перспектив торговли и экономики Орловского края. Они вносят свой вклад и в развитие фольклористики и этнографии Орловской губернии и стоят у истоков орловской общественной периодической печати, являясь инициаторами издания первой в губернии частной газеты – «Орловского справочного листка». Герой очерка «Все началось с книжной лавки» Владимир Кашкин всей своей жизнью и деятельностью опровергает сложившиеся не без влияния русской классики представления о «книгопродавцах» как людях, ставящих выше всего материальную выгоду, как губителей высокого художественного вдохновения. Вспомним реплику книгопродавца у Пушкина:

*Наш век – торгош; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава?– Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!*

Хозяин книжного и музыкального магазина Владимир Кашкин становится одним из наиболее заметных орловских просветителей конца XIX–начала XX века. Библиотека, созданная при его магазине, включала 6,5 тысячи томов – всю мировую и отечественную классику. Владимир Кашкин был также талантливым пианистом и композитором, его романсы («На заре», «Под окном я тебе спою») приобрели большую популярность. Он заметил и материально поддержал композитора Василия Калинникова, оплатив его обучение в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества. В очерке проводится параллель между Владимиром Кашкиным и его отцом, воронежским книжным торговцем Дмитрием Кашкиным, который помог становлению поэта Алексея Кольцова. Показательно, что композитора Василия Калинникова называли «музыкальным Кольцовым». Подобные параллели, сближения, переклички событий, поступков и слов являются одним из характерных приемов Алексея Кондратенко, при помощи которых добросовестное документальное описание ушедшего приобретает свойства художественного повествования.

Так, очерк «Маликовы» посвящен двум орловским однофамильцам. Сближает их не только фамилия, но и то, что оба они, каждый по-своему, выступают нравственными просветителями орловской провинции. Первый из них, священник Лука Маликов, настоятель Введенской церкви одноименного женского монастыря, член Орловской духовной консистории прославился своей требовательностью в вопросах веры и нелицеприятностью в отношениях со властями предрержащими. Когда знаменитый по рассказам Н.С. Лескова орловский архиерей Никодим, желая выслужиться перед

светскими властями, сдал в солдаты очень многих из духовного сословия, среди которых были и единственные сыновья, а также семейные дьячки и пономари, отец Лука Маликов один из всего орловского духовенства решился высказать в лицо епископу то, что являлось предметом всеобщего плача, и призвал виновника горя помочь осиротевшим семьям, «у которых не осталось даже хлеба» (с. 60). Отец Лука поплатился за это своим местом в духовной консистории, но помощь обездоленным со стороны архиерея была оказана. Второй из однофамильцев, Александр Маликов, оказался в Орле в качестве ссыльного. Вместе с Н.В. Чайковским он стоял во главе «богочеловеков» - отколовшегося от революционного народнического движения. Согласно их воззрениям, социальное преобразование общества может и должно осуществляться не путем революции, но путем пробуждения в людях любви к ближнему: «нужно знать человеческую природу, полюбить человека и искать в нем искру Божию, заглохнувшую, быть может: воспламенить в нем эту искру» (с.63). Маликов оказал влияние на воззрения Льва Толстого, взявшего у «богочеловеков» знаменитую идею «непротivления злу насилieм».

А. Кондратенко приводит факты, которые разрушают сложившиеся под влиянием советской историографии стереотипные представления о непримиримом противостоянии революционеров и представителей консервативного лагеря. Мы узнаём из авторского повествования, что всеильный обер-прокурор Синода Победоносцев принимает участие в судьбе «богочеловека» Маликова, переписывается с ним и способствует смягчению его участи. Вместе с тем, приводя эти факты, писатель не избежал в своих оценках двойственности, возникающей из-за косвенного влияния идеологической традиции. Мы встречаем в авторском тексте такие обороты, как: «Печально известный Победоносцев...»; «...инспирированы консерватором Победоносцевым...» - (с. 61) и пр. Сегодня слово «революционер» не обладает той положительной окраской, какую оно имело в контекстах советской эпохи. Напротив, определение «консерватор» сейчас уже не звучит как однозначно отрицательная характеристика. Заметим при этом, что в целом очерки Алексея Кондратенко отличаются

объективностью, взвешенностью и убедительностью изложения, запоминаемостью образов.

В книге «Свет далеких звезд» оживают картины далекого прошлого, вновь звучат умолкнувшие голоса. «Вот, голубушка, Христовым именем побираюсь! Не стыдно мне это, старику, а хорошо... Господь сподобил принять подвиг, в людях Христа бужу!». Это слова бывшего директора Орловской гимназии Ивана Михайловича Белоруссова, последние дни которого описаны Иваном Шмелевым в его книге-реквиеме «Солнце мертвых». Алексей Кондратенко рассказывает о жизни этого подвижника отечественного просвещения и ревнителя русского слова в очерке «Учитель словесности». В советской историографии его называли карьеристом и реакционером, обвиняя в стремлении поднять в гимназии «религиозный дух». Но сказано: судите о дереве по плодам его. Орловскую гимназию в годы директорства Белоруссова окончили многие выдающиеся деятели отечественной культуры и науки, среди них - Леонид Андреев. Из-под пера Ивана Михайловича Белоруссова выходит «Словарь Ломоносовского языка», удостоенный премии Академии наук, он является автором ряда учебников, книг и статей по русской словесности, получивших большую популярность в России и многократно переиздававшихся. В последние дни своей жизни, умирая от голода в Крыму, старый учитель словесности работает над новой книгой, при крайней телесной немощи являя пример силы и бодрости духа.

Подобные примеры и образы сегодня для нас имеют неоценимое нравственное значение. Мы должны ясно осознавать, что потеря памяти об ушедших ведет к разрушению связи времен, и, в конечном счете, утрате нами самих себя. «Мертвым некому довериться, кроме живых», - эти пронзительные слова из рассказа Андрея Платонова «Взыскание погибших» очень точно передают общий смысл и пафос книги «Свет далеких звезд», представляющей собой достойный вклад в литературное краеведение Орловщины.

*Александр СТРОГАНОВ,
член Союза писателей России
(Барнаул)*

РЕЦЕНЗИЯ НА ПЬЕСУ В СТИХАХ «ЛЕГЕНДА О ВИС И РАМИН»

Древняя персидская легенда (или как её ещё называют, «народная поэма») о любви двух молодых людей, принадлежащих к царствующим домам - княжне Вис и шахском сыне Рамине - не имеет автора. Литературоведы отмечают сходство сюжетных коллизий и романтически-любовную составляющую этих произведений с поэмами «Тристан и Изольда», «Лейли и Меджнун» и другими похожими творениями восточных и европейских авторов отдалённых от нас эпох. До наших времён дошла и поэма, написанная на основе старинного первоисточника. Её автор Фахруддин Гургани - персидский поэт середины XI века. Литературоведы считают её также пародией на нравы, царившие во дворцах шахов.

Орловский поэт, член Союза писателей России, Анастасия Бойцова взяла на себя труд создать своё собственное одноимённое произведение для сцены - романтико-эпическую пьесу в стихах. Это смелый творческий шаг, потому что трудностей в написании подобной вещи перед автором встаёт немало. Надо охватить взором многозначные события, которые происходят с героями. Некоторые из них с точки зрения современной морали даже сомнительны: царица-мама Шахро отдаёт замуж свою дочь за своего собственного сына. В конце концов, княжна Вис становится женой престарелого шаха и в неё влюбляется его младший брат Рамин. В свою очередь Рамин женится на нелюбимой княжне, но постоянно встречается со своей возлюбленной Вис. Кровосмесительство, адюльтеры и т.д. Современному автору легко впасть в пародийный тон.

К счастью, этого не случилось. Поэт Анастасия Бойцова проявила себя в первую очередь, как автор-романтик. Пьеса поднимается к высотам романтического эпоса. Диалоги героев пьесы и монологи Хора, рассказчика, песни Рамина пронизаны

лирикой. Более того, они как бы пропитаны музыкой Востока. Умение поэта заставить стихотворные строки «звучать», как музыкальные фразы - высший пилотаж писательского мастерства.

Вместе с тем Анастасия Бойцова не пренебрегает и сюжетом. Её героини не просто поют и высказываются, но и воюют, любят, страдают, ненавидят, каются, хитрят, путешествуют - действенная часть пьесы проявлена достаточно выпукло для того, чтобы стать основой спектакля как в жанре мюзикла, так и в жанре рок-оперы. Например, эти строки вкупе с другими вполне могли бы вписаться в подобный жанр:

*Я один. Мои губы сухи, как пустынный песок.
Как река без воды, этот мир без тебя пересох.
Я один, ибо нет на земле ни единой души,
Если ты мне навстречу по этой земле не спешишь.
Я один. Я игралище тысячи тысяч скорбей.
Я один. Я пою о тебе.*

Автор пьесы не стремится перенимать поэтику древних. Нашла возможность так выстроить свои поэтические тексты, чтобы и по ритмике, и по языку они были близки и понятны современному читателю и зрителю, но не потеряли и восточные мотивы и восточную лексику:

*Лучше б я тебя, блудница, никогда бы не встречал!
Этой шлюхи яснолицей никогда бы не встречал!
Ты души моей убийца! Как я мог в тебя влюбиться?
Перед кем мечу я бисер? Ты достойна лишь меча!*

Многие тексты песен и монологи задевают за живое. Заставляют сопереживать Вис и Рамину, с возрастающим интересом следить за тем, как преодолевают они, казалось бы, неодолимые препятствия на пути друг к другу.

В современной драматургии, в произведениях нынешних молодых авторов, пишущих для театра, далеко не всегда присутствуют романтические мотивы и настоящая, глубокая, образная поэзия. В этом отношении пьеса Анастасии Бойцовой – приятное исключение. И потому особо интересна.

*Ирина ГЛЕБОВА (ПОЛЯКОВА),
член Союза писателей России,
член Национального союза писателей Украины
(Харьков)*

В ОБЫДЕННОСТИ ВИДЕТЬ КРАСОТУ

Есть поэты, которые уходят в свои стихи, как в иные миры. Уходят от социальных потрясений и неурядиц, от личных трагедий и бытовой суеты - по сути, уходят от реальной жизни. От этого ухода, наверное, и возникло такое течение, как символизм с его мистическими устремлениями к непознаваемому, с возвращением в романтизированное прошлое. И, как другая сторона медали, - футуризм, который тоже отрекался от настоящего с его традициями, и опять же устремлялся, но теперь в будущее...

Есть иные поэты, живущие на реальной земле, в реальном мире и времени. Они делают противоположное: привносят поэзию в свою настоящую жизнь. Они показывают нам наш несовершенный мир, но, пропуская его через свои поэтические чувства, заставляют и читателя увидеть вдруг то светлое и прекрасное, о чём мы забыли, что перестали замечать.

Именно такова книга поэтессы Антонины Сытниковой «Ромашковое поле». И автор сама откровенно говорит об этом:

*В обыденности видеть красоту
И удивляться совершенству мира,
И воскрешать забытую мечту
Умеешь ты, загадочная Лира.*

Стихи Антонины Сытниковой очень земные. В них - родные ей люди, друзья, природа, привычный труд.

*И бабы лучшие наряды,
Чтоб в поле выйти, достают.
И - не поверите! - но радость
Приносит бескорыстный труд.*

Почти весь первый раздел книги - «Аромат ирисов» - лирика, которую мы привыкли называть пейзажной. Но это, конечно, условное название. Поэт ведь не просто любит цветком, закатом, водами реки или наслаждается птичьим пением. Нет, всё им видимое тонкими нитями, а, вернее, струнами ассоциаций настроено на душевный лад. Эта музыка отзывается в сердцах читателей своими переживаниями, воспоминаниями.

*Летний вечер тихо гаснет
В засыпающем лесу,
Пахнет листьями и счастьем,
Дремлют ветки на весу.
Край берёз ласкают нежно
Солнца алые лучи,
Тишина и безмятежность,
Только дятел всё стучит.
Но лениво, монотонно,
Будто нехотя уже,
На тягучем и бездонном
Дня и ночи рубеже.*

Всё в этом коротком стихотворении присутствует в единстве: и картинка, и состояние, и настроение. В поэзии это определяется одним словом - мастерство. Мастерство автора книги присутствует во всём, что касается поэтического искусства: в разнообразии ритмов и размеров, в легкости владения ими. Часто образность поэзии Антонины Сытниковой перетекает в афористичность, а это непростое умение. Вот одна из таких строчек, поразившая меня, как открытие: «О том, что встречный ветер попутным может стать».

Поэзия, как бы ни устремлялась она в небесные сферы, или, наоборот - не уходила корнями в землю, всё же никогда до конца не могла отрешиться от пространства и времени. Сегодняшние события, потрясающие родные для Антонины Сытниковой две славянские страны, до недавнего времени бывшие единым целым, отзываются болью, стоном, мольбой и

просьбой в её стихах. Этими чувствами пронизан второй раздел книги, который называется «Две матери».

*...Две матери у детской колыбели
Укачивали песнями меня.
Две матери - Россия с Украиной.
Моя любовь и нежность. И тоска...*

Да разве пересчитать нас, тех, у кого в роду переплелись русские и украинские корни! Вот почему так остро воспринимаются строки стихотворения:

*Бабушка Наталка,
Аромат полей,
Разминает скалка
Тесто на столе.
Пирожки, ватрушки,
Пряный вкус борщей,
Молоко из кружки:
«Пый, дытынко, ще».
Где ты, Украина,
За какой бедой.
В сизой дымке стынет
Горизонт седой.*

Есть у Антонины Сытниковой стихотворение «Жителю Новороссии» - обращение ко мне и моим единомышленникам, живущим на Юго-Востоке Украины. Есть стихи «Ненько моя, Украина» и «Подвал на крови» - тяжёлые, все на надрыве, где сплетаются светлые воспоминания прошлого и жестокое настоящее. Поэты, приносящие музу в свою реальную жизнь, не бывают аполитичными.

Много лет я была слушателем программы «Слово пастыря» на первом российском канале - бесед, которые вёл наш будущий патриарх Кирилл. В одной из таких бесед тогда ещё митрополит Кирилл говорил о том, что наш век - это век постмодернизма. Того, что признаёт не одну Истину, а множество истин (то есть, каждый имеет право на свою истину).

Законодательства многих стран поддерживают самый откровенный грех - двуполые браки, эвтаназию (самоубийство и убийство одновременно), и нам, людям, внушают, что это и не грех вовсе, а одна из истин. Вот так постепенно в сознаниях людей, незаметно для них самих, происходит переоценка ценностей, и уже зло кажется не злом, а даже добром. Поразительно, что на службу такому перевёрнутому сознанию становится и литература - то есть, то самое Слово, которое «было вначале». То, которое имеет огромную силу воздействия на человека. И вот уже приверженцы литературного перформанса, концептуализма, суперматизма - всех этих порождений постмодернизма, - заявляют, что новый век требует изменения писательских ориентаций. И вот уже они упоённо воспевают и половые извращения, и истекающие кровью человеческие внутренности. А имена этих «литераторов» варьируются во всех средствах массовой информации, навязываются нам, читателям, как образец истинно современной поэзии. Классика, мол, устарела, вот оно - то, что нужно людям сегодня.

Есть вечные истины. Одна из них звучит так: поэзия - это прекрасно! Как бы умело ни переворачивали наше восприятие мира, читатель, беря в руки сборник стихов и открывая его, настраивается на встречу с чувствами возвышенными, образами светлыми, добрыми. И чудо происходит - завораживая, совпадая с ритмом человеческого дыхания, льются строки:

*Вдруг замерев от счастья утром росным,
Увидишь ты, что истина проста –
Среди травы, созревшей для покоса,
Простой ромашкой светит красота.*

Новая книга члена Союза писателей России Антонины Сытниковой - это значительный этап и в творчестве самой поэтессы, и, думаю, в творческой жизни её родного города Орла.

*Людмила БАЛЫКОВА,
кандидат филологических наук,
заслуженный работник культуры РФ*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТУРГЕНЕВУ

«Однажды раннею весной» - первый драматургический опыт орловского автора, поэта и прозаика Людмилы Николаевны Ивановой. Пьеса посвящена И.С. Тургеневу, что само по себе является событием незаурядным. Тургенев и сегодня сохраняет свою аудиторию, своих читателей. Современный критик был прав, сказав: «Слава Богу, мы никогда не оставались без Тургенева!»

Пьеса Л.Н. Ивановой в ряду других ее сочинений («Деревня, которой нет», «Родине поклонитесь», «Всех скорбящих радости», «Болховские дневники», «Россиянки» «Записная книжка стихотворений в прозе» и др.) продолжает тему русской провинции и русской деревни и в этом смысле предстает органичной частью ее творчества. С другой стороны, обращение к драматургии - нечто совершенно новое для автора, который сознательно идет на риск, вступая на неизведанную почву. Здесь Л.Н. Иванова как будто вновь идет по стопам любимого писателя-земляка, который и становится главным героем ее пьесы.

Надо отдать должное автору, немало лет проработавшему в музее Тургенева в Спасском-Лутовинове и хорошо знающему свой предмет. Ее взгляд на жизнь и творчество русского писателя всегда самобытен и основан на прочном научном фундаменте. Около двух десятков лет назад, в начале нашей новейшей истории появились книги Л.Н. Ивановой «Деревня, которой нет», «Родине поклонитесь», имевшие шумный успех и задевшие за живое многих, кого волнует судьба русской деревни. Этим книгам о странствиях по тургеневским местам предшествовали подлинные странствия писательницы по деревням, где некогда жили тургеневские герои. Самый титул книги очерков «Родине поклонитесь» - цитата из последнего письма Тургенева на родину - поневоле

перекликается с «прощальными поклонами» писателей-деревенщиков, продолживших во второй половине XX века тему, некогда открытую «Записками охотника», которые, как известно, «положили начало целой литературе, имеющей объектом народ и его нужды».

Так и теперь, пьесе Л.Н. Ивановой, ставшей продолжением указанной традиции, предшествовала кропотливая работа в архивах, увенчавшаяся научным открытием: ей удалось отыскать ряд документов, позволивших завершить так называемое «Жикинское дело», то есть пролить свет на реальную подоплеку тяжбы крестьян Тульской деревни Кальна с местным кулаком Жикиным, указать на ту роль, которую сыграл И.С. Тургенев в разбирательстве этого дела, столь характерного для пореформенной эпохи. Нельзя не отметить, что исследование Л.Н. Ивановой, опубликованное в научном издании Института Русской литературы, как нельзя лучше представляет позицию писателя-гуманиста, употребившего всю свою энергию, чтобы заступиться за крестьян и выйти победителем в многолетней схватке с бессовестным мироедом Жикиным и неповоротливой бюрократической машиной.

Правда, в научном исследовании не скажешь всего того, что подвластно перу художника. Эта уже почти исчезнувшая мелодия крестьянской речи, эти поразительные по своей меткости словечки, эта задушевность слов русской песни - всё чутко улавливает слух писателя, вплетающего их в диалоги своих персонажей, обращающего читателя-слушателя к корневым основам русской речи. Не станем пенять автору за это! Ведь он так же, как некогда Тургенев, был пленен богатством народной языковой стихии, «этим кладом, этим сокровищем», что завещал нам беречь великий писатель. В свое время Белинский упрекал Тургенева за излишнее, на его взгляд, употребление местных орловских слов и оборотов в «Записках охотника». Между тем, иные из этих «словечек» благодаря Тургеневу вошли в литературный обиход. Через этот язык в огромной степени писатель ощущал живую связь со своим народом. И в этом смысле Л.Н. Иванова выступает продолжателем тургеневской традиции.

Тургенев не раз, говоря о только что написанном произведении, признавался близким друзьям, что сам не знает, что он такое произвел на свет. Так говорил он порой и о своих пьесах, которые он с излишней строгостью характеризовал как «годные лишь для чтения в креслах». Что, конечно, несправедливо, ибо он создал воистину «свой театр», предтечу театра XX века.

Подобно своему герою, автор пьесы «Однажды раннею весной» колеблется в определении жанра своего нового произведения. Порой ей кажется, что это, может быть, тоже своего рода пьеса «для чтения в креслах». Мы же полагаем, что перед нами - интересная попытка воссоздать образ Тургенева, этого «знакового незнакомца», показать писателя в гуще народной жизни, в один из драматических моментов нашей истории. И за это мы должны быть благодарны Л.Н. Ивановой, дерзнувшей на подобный опыт.

*Алексей КОНДРАТЕНКО,
член Союза писателей России*

РЕКА ВРЕМЕНИ

**И.А. Новиков. Яблочный барин и другие рассказы.
Составление, предисловие: М.В. Михайлова. – Мценск:
Центральная библиотека им. И.А. Новикова, 2011.**

Признаюсь, название и внешний вид книги оказались обманчивы, во всяком случае, для меня лично. Пока не начал читать, думал, что под этой цветастой обложкой собраны забавные и сюжетные, но всё же легковесные рассказы. Что ж, первое впечатление бывает обманчивым. По прочтении не покидает ощущение того, что автором точно выбраны и запечатлены реалии (контуры событий, эмоции, надежды) переломной эпохи в истории России. Охват – три десятилетия: 1900-е, 1910-е, 1920-е, – такие разные, такие не похожие десятилетия. И хорошо, что они «спрессованы» в одном томе – вдумчивый читатель увидит, как стремительно менялась Россия и населявшие её люди.

В том, что книга получилась весьма весомой, заслуга не только автора, но и составителя доктора филологических наук, профессора МГУ, члена Союза писателей России М.В. Михайловой, которой удалось показать основные грани новиковского творчества (напомним, что М.В. Михайлова – автор монографии о Новикове, изданной в Орле в 2007 году). Обширная вступительная статья «Мифы бытия, или Рождение нового Адама» вобрала в себя и результаты чисто академических литературоведческих изысканий, и живой рассказ о самом писателе, его жизни, творческом пути, где «спутниками» Новикова были Ремизов, Гиппиус, Айхенвальд, где о творчестве молодого Новикова отзывался сам Лев Толстой.

Интерес Ивана Новикова к провинции, к сельской жизни – явный его вызов модному тогда декадентству (впрочем,

притяжения этого загадочного магнита ему самому не удалось избежать). Уроженец орловской глубинки, агроном и журналист сельскохозяйственных изданий, Иван Новиков никогда не считал свои «приземлённые» занятия подёнщиной ради заработка. В автобиографии он подчеркивал: «Я вступил в литературу в то время, когда очень сильны были течения декадентства и символизма, которые отражались и на моих писаниях. Однако же деревенское детство, полное здоровых впечатлений, естественнонаучное образование, близкое и разностороннее знакомство с жизнью различных классов и, наконец, собственная трудовая жизнь - всё это дало мне возможность в конце концов сравнительно скоро найти в своих работах реалистический тон и язык».

Открывающий книгу «Эпизод» - видимо, один из первых рассказов не только самого Ивана Новикова, но и вообще из числа повествований на революционную тему в русской литературе XX века. Угадывается тональность, родственная произведениям Степняка-Кравчинского, Горького, Серафимовича. На первый взгляд, автор не принимает ничьей стороны – ни буйства возмутителей спокойствия, ни твердокаменности охранителей. Кажется, будто Новиков предпочёл роль беспристрастного бытописателя, фиксатора трагических событий, взволновавших и начавших раскалывать русское общество. Но так только кажется. На самом деле интерес Новикова к личности революционера (загадке его натуры) уже почти сродни симпатии и тайной поддержке (более явная вызвала бы жёсточайшую реакцию цензуры). А вот противостоящие «борцам за народное счастье» (солдаты, казаки, офицер, да и вся обывательская масса) – в рассказе абсолютно безлики, а потому в исторической перспективе обречены. Звучащие в тексте слова о том, что скоро прольются реки крови, и сегодня воспринимаются как-то вскользь – как стандартная митинговая фраза, как просто строка из революционной песни. Неужели так же неприметно звучало для современников-читателей это грозное предвидение? И почему в самом тексте Новикова за этой фразой ничего не последовало – ни оценка, ни продолжение, ни размышление?

В рассказе «Дома» и других, примыкающих к нему, - описания деревень, помещиков, дворян из захолустья. Такой знакомый по книгам классической литературы образ деревни... Тяжкий труд, даже по ночам (женщины непрерывно ткут вручную), с мизерным результатом. Что же дальше? Кто даст крестьянам технику, кто принесёт знания? Вчерашняя элита одряхла, отсиживается в деревнях, в дедовских усадьбах или выгодно устраивается в городах. Есть что-то бунинское в этих сюжетах и картинах...

Читатель, принимая логику автора, вынужден соглашаться с тем, что былая провинциальная натура Руси отживает свой век. Неурожаи, невежество, эпидемии, несправедливость – таким предстало перед лицом грядущей революции наследие XIX века? Читаешь и думаешь: где же слава предков? Где Великая Россия, страна богатырей и подвижников духа, предприимчивых людей и мастеров-кудесников? Михаил Лермонтов писал о «странной любви» к отчизне. Неужели через шесть десятилетий после него от былого патриотизма, пусть и очень своеобразного чувства, но, безусловно, реального и высокого, в России не осталось ничего? Любовь к отчизне развеялась как дым?

«Яблочный барин» - криминальная история, по сути, прямая перекличка с Лесковым, с «Леди Макбет...», и потому название города Мценска усечено до М. Но орловцам-то понятно, что это за город расположился на крутом берегу Зуши. Станный барин чужд городскому и слободскому обществу – и это приговор истории. Или так кажется автору? А, может, шанс на сохранение (или восстановление после октябрьской бури) социального мира, как в других странах, всё же был и в России? Создание автором величественного образа реки Зуши – это размышление о том, что жизнь переменчива. Да, грядёт революция, начинается подъём. Но что будет, когда волна спадёт? На обломках самовластья обживётся новое мещанство? Начнётся накопление новой негативной энергии?

Переход из прошлого в будущее – через очищение, через нравственность (рассказы «Ночь», «Леночка»), через отказ от житейской плесени и паутины (именно такие метафоры присутствуют в рассказе «Большое Седло»).

«Леночка» предвосхитила рассказ Куприна «Морская болезнь», опубликованный четыре года спустя. У Куприна главная героиня тоже Елена, но история куда мрачнее, её финал безнадежен. У Новикова иная трактовка личности – личности в ожидании перемен, пока ещё ищущей шанс отказаться от тяжкого наследия прошлого, отказаться от всего, что развращает душу. Получается, что в 1904 году было куда больше надежд, чем в 1908-м, когда после первой русской революции повсюду воцарилась беспощадная брутальность.

Действие второй части рассказа «Большое Седло» разворачивается на Северном Кавказе, в горах. Героиня переживает возвращение к истокам из мещанского быта (уже, увы, из советского быта конца 1920-х). Рождение человека – символ надежды на новое, лучшее поколение. Рассказ был опубликован в 1928 году, накануне года «великого перелома», после которого туда, на Северный Кавказ, бежали уже не от удушающего быта, а от коллективизации, раскулачивания, от голода начала 1930-х годов. Там, в санаториях и домах отдыха, находили отдушину от бюрократической суеты, от барачников, от адских условий работы в заводских цехах. Но и на земле обетованной не было спасения. Сегодня, прогуливаясь где-то по Кисловодску или Пятигорску, знаток местной истории всегда найдёт приглушённые приметы страшных лет: места расстрелов, арестов, загадочных смертей тех, кто был негоден советской власти. Впрочем, это особая тема, выходящая за рамки рецензии... И всё же хочется отметить сходство иных интонаций повествования Ивана Новикова со стилем Андрея Платонова.

«На Отраде-реке» - роман с таким названием не случайно оказался незаконченным. Будто условные фигуры в старом учебнике математики, герои из пункта А бредут куда-то. Но куда? В пути их застигло половодье революции. Похоже, перед нами не просто зачин романа. Это очень напоминает набросок финала каких-то старорусских Будденброков или Форсайтов - к примеру, той же шеншинской династии, главенствовавшей во мценской округе несколько веков подряд.

Новиков здесь, по сути, выступает в роли летописца орловской глубинки – он оставляет исследователям грядущих

десятилетий не просто наброски, а богатый материал – и не только для филологов, но для краеведов, для художников, для «иллюстрации» книг о местной истории.

Возможно, если не было бы революции 1917 года, Новиков завершил бы этот свой роман, вошёл в историю русской литературы как маститый автор повестей и романов о современности. Но не суждено было. Главным делом жизни писателя стала диалогия о Пушкине – своеобразный ответ на изнурительные нравственные, мировоззренческие искания русского общества начала XX века.

А ещё была мало вспоминаемая ныне книга И. Новикова «Тургенев – художник слова (О «Записках охотника»)». В эпоху вселенского отрицания и исхода Новиков принял на себя роль связующего звена между классической русской культурой и новым советским обществом. И это тоже был сугубо интеллигентский ответ на жестокие вызовы времени – во дни сомнений, поисков и горячих надежд оставаться хранителем национального наследия, хранителем смыслов и нравственного опыта, самой природы человеческой.

Не в этом ли заключается ответ на вопрос о месте интеллигенции в жизни народной? Не только новаторы и первопроходцы, публицисты, бунтари и правдоискатели, но и воспитатели, музейщики, врачеватели, проповедники, руководители, мудро пестующие и берегающие свой коллектив, своих солдат, сотоварищей по праведному делу. Иначе реки крови поглотят не только паутину и плесень старого мира, но и сами души человеческие.

Читая, задумываешься, каков же главный итог, вообще итог революции? Чего хотели те, кто шли на баррикады, кто не боялись ружейных залпов и казематов? Неужели ради обобществления земли, индустриализации и всеобщей грамотности и бесплатной медицины? Да, конечно, и ради всего этого. Так неужели весь сонм исканий можно теперь назвать всего одним словом из лексикона литературоведов – «неомифологизм»?

Читая Новикова, понимаешь: многие и многие бунтари в первую очередь жаждали духовной чистоты, перерождения общества к лучшему, жаждали правды и человечности.

Достигла ли грандиозная социальная ломка этих удивительно высоких целей? Увы, увы... Наверное, то же можно сказать и о революции 1990-х, на знамёнах которой было написано «Жить не по лжи». А потому так своевременна и важна эта книга с совершенно странным названием «Яблочный барин» (впрочем, сравним: «Малиновая вода», «Гамлет Щигровского уезда», «Тупейный художник», «Антоновские яблоки» и т.д.).

Насколько велик талант Новикова в масштабе русской литературы тех лет? Видимо, достаточно велик, если даже век спустя мы читаем его. Но он не был «модным», «громким» талантом пёстрых лет начала XX столетия. И всё же признаем: великой литературе присущи и такие, глубинные течения, с иной, чем на поверхности, температурой, может быть, и не столь горячей как в бурном, но, увы, пенном потоке возле корабельного винта.

Книги Новикова истреблялись царским правительством, а в советское время дореволюционные повести и рассказы были преданы забвению. Так сложилось исторически, что Новикова на Орловщине во второй половине века минувшего причисляли к плеяде великих писателей-земляков как бы в последнюю очередь, с неким испытательным сроком. Он, образно говоря, всегда «входил» в зал литературной славы под уже смолкающие аплодисменты и вынужден был искать место за столом президиума где-то с краю. Время показывает, что такое отношение во многом несправедливо. Рискну утверждать, что в XXI веке Иван Новиков войдёт в этот Пантеон по полному праву. Такое запоздалое «вхождение» не часто, но всё же имеет место – наши ближайшие предшественники и мы сами пережили возвращение Бунина, Лескова, Зайцева...

Но столь высокое признание происходит не по резолюции научной конференции и не по постановлению писательского пленума. Прежде всего Россия должна начать читать Ивана Новикова. Но как это сделать? Тираж вышедшей к 130-летию писателя книги составил всего 500 экземпляров, она собрана «дерзнувшими» энтузиастами в архивах и музеях буквально по крупицам. Художником выступила преподаватель мценской гимназии О. С. Проколова.

Кстати, репринтное, но тоже немноготиражное издание дореволюционных сборников Новикова «Духу Святому» и «Дыхание земли» было осуществлено городской библиотекой Мценска в 2006 году, в этом же городе чуть раньше вышел сборник «Золотые кресты». Библиотека имени И.А. Новикова уже на протяжении многих лет занимается пропагандой его наследия, проводит конкурсы детских рисунков, новиковские викторины, инсценировки его произведений, устраивает регулярные поездки в деревню Ильково, где родился писатель. Память о нём увековечена в мемориальных досках и созданием новиковского сайта.

Но ведь современной России нужно и полноценное академическое издание сочинений Новикова – с комментариями и примечаниями, галереей иллюстраций и фотоархивом. Хочется пометчать о том, чтобы в нашей стране регулярно издавались книги Новикова, были журнальные публикации (его и о нём), экранизации повестей и рассказов. И тогда самый широкий читатель, наконец, откроет для себя этого незаурядного прозаика: философа и лирика, религиозного мыслителя, имевшего свой, особый взгляд на события эпохи. В заветном слове Ивана Новикова - тайны минувшего и отблеск мимолётного, тревога за будущее и величавое течение реки времени.

*Юрий ОНОПРИЕНКО,
член Союза писателей России*

«ВКУС ДИКОГО МЁДА»

Лет двадцать назад Владимир Смирнов подарил мне свою первую книгу рассказов «Маята майская». Это была великолепная по писательскому исполнению книга, с мягким художественным словом, с чистыми лирическими интонациями, с глубокими и честными мыслями.

Затем Смирнов в силу нелёгких житейских обстоятельств исчез из литературы, и это было очень больно для всех нас, пишущих его сверстников. Вот почему такой радостью лично для меня оказалось недавнее появление большой рукописи Смирнова. Он обозначил её как повесть, но мог бы назвать и романом. Это оправдано сложным построением текста, да и объёмом (в переводе на издательский стандарт: тридцать строк на странице, шестьдесят-семьдесят знаков в строке – в рукописи получается около двухсот страниц).

С первых абзацев стало ясно, что мастерство автора никуда не ушло, слог остался таким же размеренно-притягательным и, главное, безупречно грамотным. Отмечаю это особо, поскольку столь естественного владения русским языком нет, к сожалению, у многих нынешних сочинителей. В романе не заметил ни единого смыслового или стилистического огреха (для моего тридцатилетнего редакторского опыта это, поверьте, весьма редкий случай).

Сразу заявляю, что произведение состоялось, и книга должна увидеть свет. А раз так, дальше буду говорить только о недостатках, которые, на мой взгляд, просто необходимо устранить.

Как сказано, повествование строится очень сложно. Постоянно появляются длинные отступления во времени, а внутри этих отступлений выскакивают новые отступления, затем ещё и ещё. И в каждом масса фамилий и имён, упомянутых всего лишь раз и без всяких портретных

характеристик. На общий сюжет они не работают вообще, а просто создают невероятную путаницу.

Стремление не упустить ни одного имени, даже самого эпизодического и малосущественного – задача мемуариста, но никак не писателя. Художественное произведение, наоборот, тяготеет к минимуму героев. Если же вводится мимолётный герой имярек, то он обязательно должен предстать зримым и обязательно повлиять в дальнейшем на ход основного действия хотя бы воспоминанием о себе.

На полях рукописи я оставил много конкретных карандашных пометок, а здесь назову лишь самые, на мой взгляд, провальные моменты, которые следует сократить чуть ли не впятеро, если не убрать совсем.

Это, в первую очередь, отступление о психушке. На сюжет оно не работает вовсе, зато всю смакует поступки душевнобольных. Именно смакует, десятка два эпизодов идут скучной чередой. Думается, три-четыре самых ярких эпизода сработали бы гораздо эффективнее.

Абсолютно то же самое в случае с «обезьянником». Рассказни и жалостливые реплики бомжей да алкоголиков обрыдли в телевизоре, а тут снова вот они. Хочешь показать зековскую «правду»? Выбери из этих рассказней-баек всего лишь одну, но самую поразительную, ударяющую в самую душу. И второй байки не надо, поскольку душа умирает от одной пули; а пулёмётная очередь в неё – уже садизм и некрофильство.

Отдельный разговор об армии (тоже многостраничное отступление во времени). Армейская служба описана столь же многословно, причём тут вдруг автор начинает изъясняться газетными и канцелярскими словами, убийственными для художественного произведения; щеголяет военными техницизмами, которые ещё более тяготивны и казённы. И это позволяет себе мастер литературного слова? Странно.

Главная и самая ценная мысль об армии – то, что Сергей вернулся со службы не раздавленным, а закалённым. Она-то и должна остаться, а всё остальное надо сократить до минимума. Упруго поданный минимум всегда более ярок и выпукл, чем

долгий унылый набор «правдивых» историй на одну и ту же тему.

О женщинах. О них в повести говорят по большей части скабрезно, под хлюпанье постоянно наливаемой водки. Нескончаемо до отвращения это наливание, нескончаемы и обсуждаемые отвратные тётки. А откровения о том, что секс лечит запоры и ангину, достойны извращенческих медицинских справочников, но не уважающего себя писателя.

И даже при описании чистых интимных порывов автора жестоко подводит многословие. Пытаясь написать как можно более «лирично», автор сбивается на слащавые, тысячекратно изнасилованные сочинителями штампы типа «белокипенный», «сладкий стыд», «нежно», «нежно-остро» и т.д., и т.п.

При одном эпизоде это терпится, но когда такие же истёртые немощные словеса повторяются вновь и вновь при других «интимах», они своим ничёмным однообразием напоминают вялые сонные фрикции. Уж простите.

Теперь о главных героях. Это рефлексирующий журналист Сергей, его спортивный брат-двойняшка Макс, клоуничающий коллега Дима, золотоглазая девушка Ирина, циничный редактор Марк, притворяющийся добреньким меценатом олигарх Аллигатор, хищный вор в законе Доберман, и ещё несколько персонажей. Все чудовищно, до патологии, говорливы (кроме Ирины, она молчаливый идеал-страдалица).

Практически весь роман состоит из изумительно долгих разговоров названных персон. Причём, изъясняются собеседники почти всё время лекциями. Представьте, один собутыльник прочёл вдохновенный философский трактат о судьбах бытия, второй в ответ выдаёт ему столь же отточенный доклад о политике, третий столь же некосноязычно и гладко глаголет о психологии женщин, мстительно «замуровывающих» половые члены, четвёртый на всю страницу растекается мыслями про «что такое народ» и «зачем мы живём».

И это во время пьянки. Каждый из нас, бранных, знает, что в застолье никто никому не даёт сказать больше трёх фраз, что все говорят разом, практически не слушая друг дружку. Тут главное наливать и обниматься.

Монологи лексически одинаковы, ни у кого не промелькнёт хотя бы словечко-присловье, любимое и забавное, имеющееся практически у каждого из нас. А в отсутствие полноценных зрительных портретов (автор почему-то почти полностью игнорирует этот необходимейший в литературе приём) все герои различаются только именами. Даже не скажешь, что это люди-схемы; скорее, это люди из телефонного справочника.

Есть одно яркое исключение. Это «крестьянин в третьем поколении» Пронин. Он эпизодичен, однако в нём классический образец единожды встреченного и навсегда запомнившегося персонажа. Говорит он настолько народным (но не сусальным!) языком, что сразу же в него влюбляешься. И чувство меры знает, на лекцию не сбивается. И портрет ему дан, да такой колоритный – и в то же время узнаваемый! Несомненная удача.

Но она не спасает. Пружина основного сюжета аморфна и расплывчата, угадывается с большим трудом. Лишь на последних тридцати страницах выясняется, что надо изловить пакостника Добермана; и это делается в лучших традициях боевика. Добро побеждает, но досада, что к победе добирался сквозь такую мозгоедскую скукоту, остаётся.

Что же делать? Переписывать ничего не надо, потому что автор не фальшивит, он даёт метания своих героев вполне искренне. Нужно сокращать. Чуть ли не вполовину.

Чтобы автор, чего доброго, не подумал, будто таким образом пытаюсь из неких злостных побуждений убить его эпохальное произведение, расскажу свою историю. В конце восьмидесятых я отправил в знаменитое издательство «Современник» свой «нетленный» роман на семистах страницах. Пришла рецензия за подписью известного писателя Сергея Семанова (она до сих пор у меня). Семанов разгромил мою рукопись, а в конце написал: «Ничего страшного, если автор решится сократить текст наполовину, может получиться добротная книга».

– Ни фиги себе! Добротная! – вскричал я в восторге и тут же принялся сокращать. Рассчитал чисто арифметически: убрать по пятнадцать строк с каждой страницы. То был месяц дивных открытий: я вдруг увидел, что любая мысль, изложенная,

скажем, в четырёх строках, легко умещается в двух, причём становится гораздо более ясной. Точно так же картинка, изложенная в двух фразах, отлично ложится в одну; найди только ёмкое слово вместо трёх сырых, а лучше метафору.

Сократил, не уничтожив ни одного дорогого для меня эпизода. «Современник» прислал сообщение, что моя рукопись ставится в резервный план, но надо сократить роман ещё на треть...

Тут я впал в ещё больший азарт и стал буквально из каждой фразы выдирать по словечку-другому. Получалось безболезненно, и я увидел, как много малозначащих слов мы лепим во все свои «гениальные» тексты, и как легко от них, тех самых слов-паразитов; избавиться, и каким воздушным, упругим, динамичным становится твой текст.

В общем, роман из двухсот страниц вышел в свет, название «Имя на талом снегу». Не знаю, насколько он добротен, но издали его в роковом девяносто первом году, когда девять из десяти подготовленных к печати рукописей «Современник» с извинениями возвращал плачущим авторам. Мой же роман-счастливчик дали не минимальным пятнадцатитысячным тиражом, а сразу пятидесятитысячным.

До сих пор благодарен поныне здравствующему честнейшему писателю Сергею Семанову за ту спасительную фразу о сокращении. Потом я не раз убеждался, что сокращением можно спасти любой текст, даже болезненно графоманский.

У Владимира Смирнова задача гораздо проще, чем у меня тогда. Стоит только в каждом «докладе» оставить четыре-пять самых главных мыслей – и всё изменится разительным образом. Сюжет станет видимым, разговоры естественными, герои нормальными.

А чернуху надо убирать беспощадно. Ну и что, что это «правда»? Правда и в том, что дерьмо есть неотъемлемый продукт жизни. Но смаковать и сладостно его нюхать – есть сдвиг по фазе. К сожалению, сейчас этот сдвиг нам навязывают, как норму.

Думаю, Владимир это понимает. Трепетные размышления его героя меня в том убедили.

*Алексей КОНДРАТЕНКО,
член Союза писателей России*

«ОРЛОВЦЫ – ГЕРОИ ВОЙНЫ 1812 ГОДА»

В издательстве Александра Воробьева вышла книга «Орловцы – герои войны 1812 года». Её автор – хорошо известный на Орловщине краевед Александр Полынкин. Практически все собранные под одной обложкой очерки в сокращении публиковались прежде в «Орловском вестнике», а потому уже в значительной степени знакомы читателям. Однако век газетной страницы недолог, а книга ещё много десятилетий послужит читателям библиотек, школьникам и студентам, всем, кто интересуется отечественной историей.

Хорошее дело приурочил автор к юбилею победы 1812 года. Он не только собрал множество исторических сведений, но и сделал их достоянием всего орловского общества. Сам подход А.М. Полынкина к теме мне напомнил исследовательский и писательский метод нашего известного краеведа В.А. Власова (без сомнения, будь жив Владимир Алексеевич, он бы тоже предложил читателю серию очерков о героях той войны). Но будем радоваться и тому, что есть достойные продолжатели благородного дела. Перед нами полтора десятка добросовестно и с творческой искрой написанных очерков о генералах первой Отечественной войны – от хрестоматийных Ермолова и Давыдова до Бороздина и Талызиных, прежде не вызывавших особого интереса у краеведов.

Очерки Полынкина ценны не только биографическими сведениями о замечательных земляках. Автор приводит прежде неизвестные факты (архивные разыскания – его особая заслуга!) о тех или иных орловских страницах в биографиях, о родословной орловских сёл и деревень, даёт широкую панораму судеб – а это, наверное, и у читателя рождает чувство сопричастности к истории Родины – огромной империи, где все губернии, города и веси были частями большого и крепкого организма.

Необходимо отметить также периодически проявляющийся в повествовании сказовый авторский стиль – насколько могу судить, он редкость для современной орловской литературы и краеведения. Сказывается, наверное, то, что А.М. Полынкин живёт в районном центре Покровское, много лет работает с подрастающим поколением, а потому старается сделать свои исторические находки интересными и любезными для всех от мала до велика. Да к тому же, как упоминалось, все тексты были «опробованы» в газетном формате. Такой прочный метод популяризации – пример для подражания начинающим исследователям местной истории. Но увлечение им таит и некоторые опасности. К примеру, сказание порой превращается в пересказ энциклопедических статей, а в доверительную речь вторгаются канцеляризмы, стилистические ошибки. Лично мне забавно было видеть, как автор именует солдат и офицеров Орловского полка «орловчанами». Нет уж, единственный вариант – «орловцы» (он, кстати, адекватно отражён в самом названии книги). В ту давнюю пору даже воинов Московского полка называли не иначе как «московцы». Пишу об этом с единственной целью обратить внимание как автора, так и издателя, на желательность привлечения профессиональных редакторов к подготовке подобных книг в печать.

А в целом новое издание оставляет хорошее впечатление – красочные иллюстрации, удобный формат, доступность текста для широкого круга читателей, которые, признаемся, уже и не помнят имён своих прадедов, совершивший подвиг ради потомков. «Орловцы – герои войны 1812 года» - книга, достойная того, чтобы ее прочли наши современники, наследники тех, кто два века назад спас Отечество от грозного нашествия.

Содержание

Б. Бобылев. Альманах «Орёл литературный-2011» (Заметки на полях).....	3
Г. Петелин. «Друзья! Прекрасен ваш союз!»	8
А. Шорохов. На тысячу вёрст кругом Россия.....	11
А. Перелыгин. Свежо, светло и свободно	15
В. Лютый. «Под небом пыльным и сухим...» (Несколько замечаний о поэзии Андрея Фролова).....	17
А. Шорохов. Безыскусные строки	19
И. Семёнова. Трудный жанр.....	23
Б. Бобылев. И свет во тьме светит... ..	26
А. Строганов. Рецензия на пьесу в стихах «Легенда о Вис и Рамин»	31
И. Глебова (Полякова). В обыденности видеть красоту.	33
Л. Балыкова. Посвящается Тургеневу	37
А. Кондратенко. Река времени	40
Ю. Оноприенко. «Вкус дикого мёда».....	47
А. Кондратенко. «Орловцы – герои войны 1812 года».....	52

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 6-й

**Всероссийский литературный
фестиваль-конкурс
«Хрустальный родник»**

Технический редактор С.А. Ветчинников
Дизайн обложки А.С. Ухин

Подписано в печать 3.11.2015 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 3,5 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 250

БУКОО "Орловский Дом литераторов".
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1,

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.

Е-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru